

МОРГАНА
Редж

ЖЕНА БРАТА

Моё безумие

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Моргана Редж

Жена брата. Моё безумие

<https://litres.ru/74613543>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я верила, что у нас с мужем счастливый брак. Пока не узнала об измене. Теперь его партнёры требуют, чтобы я отказалась от имущества, и угрожают забрать сына.

Спасение предлагает младший брат мужа. Он увозит нас в дом у озера, где мы будем в безопасности.

Только почему в шкафу уже висит одежда моего размера, а для сына готова детская?

— Ты всё это приготовил для нас?

— Для тебя, Алёна. Я давно тебя жду.

Кажется, я не спасаюсь от опасности. Я добровольно иду в лапы паука.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	23
Глава 5	32
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Моргана Редж

Жена брата. Моё безумие

Глава 1

Алена

— Мам, смотри! — Тимоша держит в пухлых пальчиках деревянного жирафа и тычет им мне в лицо. Пятнышки у жирафа оранжевые, и Тимоша весь оранжевый. Я краем глаза вижу, как на белой футболке расплзается пятно. Мы только что рисовали пальчиковыми красками, и ребенок, кажется, решил стать жирафом заодно.

— Вижу, зай. Очень красиво. Давай теперь маму разукрасим? — смеюсь и чмокаю его в лоб, перехватывая испачканную ладошку, которая уже тянется к моим волосам.

Телефон вибрирует на столе. Я бросаю взгляд на экран. Муж. Сердце привычно подпрыгивает. Даже спустя десять лет.

«Как там мои сокровища?»

Улыбаюсь, отбиваю быстро:

«Тимоша превращается в жирафа. Я превращаюсь в загоныщика. Ждем папу. Завтра праздник! Не опаздывай на рейс».

Три точки мигают, и приходит фото. Вадим сидит в ка-

ком-то пафосном ресторане, на фоне стеклянных небоскребов. Скучающий, слегка взлохмаченный, в рубашке с расстегнутым воротом. Красивый, зараза. У меня внутри до сих пор что-то сладко ноет, когда я вижу его. Десять лет вместе, а я все еще та девчонка, которую он уболтал сбежать с лекции.

«Скучаю. Завтра весь ваш. Тимохе подарок — бомба. Жене тоже».

Я фыркаю и пишу в ответ смайлик с языком. Знаю я его «подарки». В прошлый раз привез нижнее белье, которое пришлось распаковывать с лупой. Но я все равно надену. Ради него. Ради того, как он смотрит, словно я все еще та тонкая студентка, а не мать его ребенка с растяжками на бедрах.

День рождения сына завтра. Мы так долго ждали нашего малыша! И вот ему уже три года — это серьезно. Я уже разложила колпачки, надула половину шаров и заказала торт в форме паровозика. Осталось пережить вечер, уложить Тимошу и еще раз проверить список гостей. В основном дети с площадки и пара наших друзей. Вадим обещал вернуться из командировки сегодня ночью. Петербург, важные переговоры. Я уже привыкла, что его бизнес жрет время, но день рождения сына — это святое. Он поклялся, что будет.

Я как раз запихиваю извивающегося Тимошу под мышку, чтобы отнести в ванную, когда раздается звонок в дверь.

Застываю. Я никого не жду. Курьера тоже не вызывала. А незапланированные гости — это сразу тревога. У нас так не принято.

— Кто там, мам? — Тимоша крутит головой, оранжевое пятно на футболке уже переползло на мое плечо. Прекрасно.

— Сейчас узнаем, — говорю, стараясь, чтобы голос звучал спокойно. Ставлю сына на пол, поправляю волосы, вытираю руки о джинсы и иду в прихожую.

На пороге — Игорь Романович и его жена Лариса. Партнеры Вадима. Собственники сорока процентов нашего бизнеса. Игорь — грузный, в расстегнутом пальто, хотя на улице май, с красным лицом и тяжелым дыханием. Лариса — бледная тень рядом с ним, с черными кругами под глазами. Она никогда мне особо не нравилась, слишком слащавая, слишком приторно-вежливая, а теперь смотрит на меня с такой ненавистью, что я отступаю на шаг.

— Алена, — Игорь не спрашивает, он констатирует факт моего присутствия. — Где Вадим?

Я глупо моргаю. Хороший вопрос. Они должны знать, что он в командировке. У них общий бизнес, общие проекты вообще-то.

— В Петербурге, — отвечаю медленно. — Вы же знаете. У него переговоры с поставщиками.

Игорь переглядывается с женой. Лариса кривит рот, и я вижу, как у нее начинают дрожать губы. От злости или от слез — непонятно.

— В Петербурге, значит, — повторяет Игорь. — Ну-ну.

— Что случилось? — спрашиваю я, и внутри все холодеет. В прихожей все еще пахнет красками и детским шампунем,

из гостиной слышно, как Тимоша возит машинку по полу, а здесь, на пороге, сгущается что-то тяжелое и мерзкое.

Игорь шагает вперед, не разуваясьсь. Хамит. Лариса заходит следом и закрывает дверь. Меня от этого щелчка передергивает. Мы теперь заперты в моей же квартире.

— Алена, только не строй из себя дуру, — начинает Игорь, его голос низкий, опасный. — Ты наверняка знаешь.

— Что я должна знать по-вашему? — вырывается у меня громче, чем нужно. Тимоша затихает в гостиной. Я делаю глубокий вдох и беру себя в руки. — Объясните, в чем дело, иначе я вызову охрану.

— Охрану? — Лариса вскидывает голову и смотрит на меня с таким ядом, что мне хочется отшатнуться. — Твой муж нашу дочь... — она захлебывается словами, отворачивается, закрывая лицо руками. Плечи трясутся. Игорь мрачнеет еще больше.

— Вадим переспал с нашей Алисой, — говорит он прямо, без предисловий. — Ей восемнадцать, Алена. Восемнадцать! Она дура малолетняя, влюбилась. А он ее бросил. Три дня назад. Алиса в больнице. Ее еле откачали.

В голове белый шум. Я слышу слова, но они не складываются в смысл. Вадим и Алиса? Дочка Игоря? Я помню ее девчонкой с косичками, а потом долговязой угловатой старшеклассницей. Я видела ее пару раз на корпоративах. Она и Вадим? Нет. Нет, нет, нет.

— Этого не может быть, — шепчу я и сама не узнаю свой

голос. Он чужой, сдавленный. — Вы ошиблись. Вадим не мог.

— У нас есть переписка, — отрезает Игорь. — Фотографии.

Я хватаюсь за косяк двери. В глазах плывет. Лариса, которая до этого рыдала, вдруг отнимает руки от лица и смотрит на меня почти с торжеством.

— Он бросил нашу девочку, — говорит она ледяным тоном. — Ее спасли, понимаешь? Из-за твоего мужа это все произошло.

Комната покачивается. Я чувствую, как у меня подкашиваются ноги. С улицы доносится детский смех и гул машин, а здесь — вакуум, в котором я задыхаюсь. Тимоша в гостиной что-то лепечет про жирафа. Мир трещит по швам.

— Это какая-то ошибка, — я мотаю головой, как заведенная. — Вы не понимаете. У нас с Вадимом семья. Сын. Он просто не мог...

— Мог или нет — не нам судить, — Игорь делает шаг ко мне, и я впервые вижу в его глазах не злость, а страшную решимость. — Но мы не спустим это на тормозах. Либо Вадим возвращается и берет ответственность. Женится на Алисе, признает ребенка, разводится с тобой. Либо мы идем в полицию.

— В полицию? — я в ужасе переспрашиваю.

— Да, — Игорь не моргает. — Доведение до... И вообще неизвестно, когда все началось. Мы можем сделать все еще

хуже. Это статья, Алена. Это тюрьма. И мы похороним его, даже не сомневайся.

Лариса добавляет, словно добивает:

— А заодно мы отберем бизнес. У нас достаточно доказательств, чтобы забрать вашу долю. Ты останешься без дома, без денег, без всего. И ребенок твой... — она смотрит в сторону гостиной, и я цепенею. — Трехлетний сын попадет в детский дом. Кому он будет нужен, когда отца посадят, а мать окажется на улице? Кому? Подумай об этом. Хорошо подумай.

Я прижимаю ладонь ко рту. Меня мутит. Все, что я строила десять лет, летит в тартарары за одну минуту. Я не верю ни единому слову. Вадим любит меня. Вадим каждую ночь целует меня перед сном и говорит, что я лучшее, что с ним случилось. Он не мог, не мог так поступить. Но в голове бьется другое: «Алиса в больнице», «переписка», «статья». Я не знаю, за что хвататься. Мне нужно увидеть его, заглянуть в глаза и услышать, что это все чья-то большая шутка.

— Где он сейчас? — Игорь давит. — Ты сказала, Петербург. В какой гостинице? Когда вернется? Мы не уйдем, пока не получим ответы.

— Я не знаю, — вру я и чувствую, как сердце колотится где-то в горле. Я знаю гостиницу. Знаю номер рейса. Но я не скажу. Не сейчас. Сначала я должна поговорить с Вадимом. Сама.

Лариса достает телефон.

— Хорошо. Тогда мы звоним адвокату. Прямо сейчас. Времени у тебя мало, Алена. До завтрашнего утра. Или твой муж объявляется и принимает наши условия, или мы запускаем процесс. Выбирай.

Они идут к выходу. Игорь на секунду задерживается в дверях и оборачивается. Его голос звучит глухо:

— Ты умная женщина. Не дай ему разрушить все. Особенно из-за какой-то интрижки.

Дверь захлопывается. Я остаюсь стоять посреди коридора, босая, в испачканной краской футболке, с диким звоном в ушах. Из гостиной выбегает Тимоша с жирафом в обнимку и весело кричит:

— Мам, я тигл! Prrr!

Я опускаюсь на корточки, прижимаю его к себе и чувствую, как по щекам катятся слезы. Он теплый, родной, ничего не понимает. Уткнулся носом в плечо и смеется.

Я достаю телефон дрожащими руками. Набираю Вадима. Гудки. Один, второй, третий.

Сбрасывает. Пишет:

«На встрече. Что-то срочное?»

Я смотрю на экран и вижу, как по нему расползаются трещины, хотя на самом деле это просто мое отражение ломается на части.

Надо перезвонить. Надо кричать. Надо узнать правду.

Но вместо этого я пишу:

«Срочное. Позвони, как освободишься».

А потом перехожу в общий с Игорем чат по бизнесу в мессенджере и начинаю листать переписку. Сердце стучит где-то в горле. Я даже не знаю, что ищу. Доказательств? Опровержения? И нахожу одно-единственное сообщение от Вадима, отправленное Игорю три недели назад. Всего одна строчка, но она переворачивает что-то внутри меня окончательно: *«С Алисой вопрос решен. Деталей не проси».*

Перед глазами темнеет.

Я смотрю на Тимошу, который снова увлекся машинкой и гудит, как паровоз. Завтра ему три года. Завтра праздник, шары, торт. А сегодня моя жизнь раскололась пополам.

Телефон в руке снова вибрирует. Вадим.

Я нажимаю «принять» и прежде чем он успевает сказать хоть слово, шепчу в трубку:

— Ты спал с Алисой?

Тишина на том конце. Долгая, вязкая, оглушительная. И в этой тишине я слышу все.

— Алена... — начинает он, и голос у него такой, будто я застала его за чем-то постыдным.

Не оправдывается. Не кричит: «Ты с ума сошла». Просто молчит. И это молчание — ответ.

Я нажимаю «отбой» и зажимаю рот ладонью, чтобы не закричать. Пальцы пахнут красками и Тимошей. Я смотрю на наш семейный портрет на стене, где мы с Вадимом еще такие молодые, такие счастливые, и думаю только об одном. Как мне теперь спасти сына. Потому что падать больше неку-

да. Только вверх. Только если я придумаю, как выбраться из этого ада за одну ночь.

А в голове бьется, как пульс: «Завтра утром. У меня только до завтрашнего утра. Иначе — все».

Глава 2

Алена

Ночь падает на город быстро, смазывая очертания домов и деревьев за окном. Я сижу на кухне, не зажигая свет. Телефон лежит передо мной экраном вниз, но я знаю, что там. Я выучила каждый пиксель за последние несколько часов. Шесть фотографий и одно голосовое сообщение от Игоря. Он прислал все это через час после того, как ушел. Словно давал мне время подготовиться. Или сгнить заживо.

Я переворачиваю телефон. Экран загорается, и я снова вижу их. Вадим и Алиса. На первом фото они сидят в каком-то ресторане, который я не знаю. Не наше место. Чужое. Алиса смотрит на него снизу вверх, как на божество, приоткрыв губы, а он улыбается своей фирменной улыбкой, от которой у меня всегда подгибались колени. Теперь от этой улыбки меня тошнит. Второе фото — они на фоне какой-то гостиницы. Третье — Алиса целует его в щеку, самозабвенно закрыв глаза, а он не отстраняется. Не отстраняется! Четвертое — скриншот переписки. Я читаю ее по кругу, хотя каждое слово врезается в мозг, как раскаленная игла.

«Ты самое прекрасное, что случилось со мной за последний год»

— это пишет мой муж. Муж! Какой-то девочке, которая младше меня на двенадцать лет.

«Я не могу без тебя. Когда мы увидимся?»

— это она.

«Скоро, малыш. Потерпи. Я решу вопросы».

Вопросы. Я — вопрос. Тимоша — вопрос. Наш дом, наша семья, наши десять лет — это «вопросы», которые ему нужно решить.

Я пролистываю дальше. Фото записки Алисы. Снимок сделан в больничной палате, на тумбочке. Клочок бумаги, торопливый девичий почерк, прыгающие буквы. «Простите меня. Я не могу дышать без него. Лучше не просыпаться». Чернила расплылись в одном месте — то ли слезы, то ли вода. Под запиской край больничного браслета. Это не постановка. Это реально. Девочка правда пыталась уйти из жизни.

Я отбрасываю телефон в сторону и зажимаю уши ладонями. Я не хочу это знать. Я не хочу это видеть. Мой муж — не этот человек. Мой Вадим — это парень, который на четвертом курсе стоял под моим окном с букетом ромашек, потому что розы я считала пошлостью. Это мужчина, который держал меня за руку в родах и плакал, когда Тимоша закричал в первый раз. Это человек, который каждое утро варит мне кофе и помнит, что я люблю миндальное молоко. Это не монстр. Не предатель. Не тот, кто способен довести девчонку до крайнего шага.

Но где-то внутри меня уже растет черная дыра, и она засасывает все светлое. Потому что фото не подделать. Переписку не выдумать. И его молчание в трубку — тоже не вы-

думка.

Я смотрю на часы. Половина первого ночи. Тимоша спит, я дважды проверяла. У него завтра день рождения. Три года. Я так и не надула половину шаров, и торт стоит в холодильнике, а колпачки лежат стопкой на столе. Праздник. Гости придут к двенадцати. Что я им скажу? «Извините, папа ушел, потому что трахал дочь партнера»? Или: «Вечеринка отменяется, у нас апокалипсис»?

Ключ в замке проворачивается с тихим щелчком. Я вздрагиваю. Он вернулся.

Я встаю, ноги ватные, и иду в прихожую. Вадим заходит, ставит сумку на пол и поднимает на меня глаза. Я ждала чего угодно. Что он бросится с объяснениями, что начнет врать, что прижмет к себе и скажет: «Это чушь, я все исправлю». Но он просто смотрит. Устало. Словно я — препятствие. Словно я — досадная помеха на его пути.

— Ты получила мое сообщение, — говорит он. Не спрашивает. Констатирует факт.

Я не отвечаю. Просто протягиваю ему телефон с открытой перепиской. Он берет, скользит глазами по экрану, и его лицо меняется. На секунду — боль. Живая, настоящая боль. Но она исчезает так быстро, что я не успеваю за нее ухватиться. Сменяется холодом. Ледяным, непрошибаемым панцирем.

— Откуда это у тебя? — спрашивает он тихо.

— Игорь прислал. Они были здесь. Днем. Они сказали...
— голос срывается. Я делаю вдох. — Они сказали, что ты

спал с их дочерью. Что она в больнице. Что она пыталась...

Вадим молчит. И это молчание — страшнее всего. Потому что если бы это была неправда, он бы уже кричал. Он бы уже звонил Игорю и материл его последними словами. Он бы уже тряс меня за плечи и говорил: «Алена, это бред, ты что, поверила?». Но он стоит как каменный и смотрит в пол.

— Вадим, скажи что-нибудь, — шепчу я, и голос предательски дрожит. — Скажи, что это неправда. Скажи, что они все придумали.

Он поднимает глаза, и меня прошибает холодом. Я знаю этот взгляд. Я видела его однажды, когда он увольнял старого друга из компании. Ни эмоций. Ни жалости. Чистый бизнес.

— Это правда, — говорит он. — Я был с Алисой.

Мир переворачивается. Буквально. Я хватаюсь за стену, потому что пол уходит из-под ног. В ушах звон. Я открываю рот, но из него не выходит ни звука. Он сказал это так просто. Так буднично. Как если бы признался, что забыл оплатить счет за электричество.

— Ты... — начинаю я и осекаюсь. — Ты понимаешь, что ты наделал? Ей восемнадцать, Вадим! Она дочь твоего партнера! Она...

— Я знаю, сколько ей лет, — обрывает он жестко. — Я все знаю.

— Тогда какого черта?! — я срываюсь на крик, и мне плевать, что могу разбудить Тимошу. — Какого черта ты это

сделал?! У нас семья! У нас сын! Ты должен был быть в командировке! Ты клялся мне! Ты...

— Алена, хватит, — его голос режет, как нож. — Я устал. Я прилетел не для того, чтобы слушать истерику.

— А для чего ты прилетел?! — я делаю шаг к нему и бью кулаком в грудь. Он перехватывает мою руку, сжимает запястье. Больно. Я вырываюсь. — Ты прилетел, чтобы собрать вещи? Чтобы уйти? Вадим, посмотри на меня!

Он смотрит. И в его глазах нет ничего. Абсолютно пусто. Это страшнее, чем ненависть. Страшнее, чем злость. Он смотрит на меня как на чужого человека.

Глава 3

Алена

— Я не хотел, чтобы ты узнала вот так, — говорит он, и каждое слово падает, как камень. — Но, наверное, это к лучшему.

— Что — это? — я перестаю дышать. — Что «это», Вадим?!

— Наш брак закончен, — произносит он ровно. — Он был закончен давно, Алена. Ты просто не хотела этого замечать.

Я отступаю на шаг. Потом еще на один. Спина упирается в холодную стену прихожей. В голове гудит. Я смотрю на этого мужчину и не узнаю его. Это не Вадим. Это кто-то другой. Кто-то, кто вселился в его тело и говорит его голосом страшные вещи.

— Что ты несешь? — я качаю головой. — Какой «закончен»? Ты две недели назад говорил, что любишь меня. Ты планировал отпуск. Ты выбирал мне кольцо на годовщину. Ты...

— Я врал, — перебивает он. — Себе. Тебе. Я врал, потому что так было удобно. Потому что у нас дом, быт, сын. Потому что разводиться — это грязно и больно. Но Алиса... — он запинается на ее имени, и я вижу, как что-то в его лице ломается. На секунду. Всего на секунду. — Она показала мне, что я тоже могу чувствовать. Что я еще живой.

Меня тошнит. Меня по-настоящему мутит. Он говорит о чувствах к девочке, которая младше меня на двенадцать лет. Которая сейчас лежит в больнице из-за него. И он говорит это мне, своей жене, которая десять лет клала свою жизнь к его ногам.

— Ты чудовище, — шепчу я. — Ты просто чудовище.

— Называй как хочешь, — он пожимает плечами. — Я пришел за вещами. Не устраивай сцен.

Он идет в спальню. Я иду за ним, потому что ноги несут сами. Он открывает шкаф, вытаскивает сумку, начинает кидать туда рубашки, брюки, носки. Движения четкие, отлаженные. Как будто он репетировал это. Как будто он ждал.

— Куда ты пойдешь? — спрашиваю я, и голос звучит глухо. — К ней?

— Не твое дело, — бросает он через плечо.

— Не мое дело?! — я хватаю его за плечо и разворачиваю к себе. Он вынужден смотреть. — Ты мой муж, Вадим! Мы десять лет вместе! Ты не можешь просто так взять и уйти!

— Могу, — говорит он и убирает мою руку, как что-то ненужное. — И ухожу.

Он застегивает сумку, идет в прихожую. Я бегу за ним, хватаю за рукав.

— А Тимоша? — в моем голосе отчаяние, но мне уже плевать. — У него завтра день рождения! Ты обещал! Ты обещал ему!

Вадим замирает. На мгновение что-то человеческое про-

скальзывает в его лице. Боль. Стыд. Страх. Но он давит это. Я вижу, как он давит это усилием воли. Сглатывает. Поднимает голову.

— Я переведу деньги на счет. Подарок в моей машине. Сейчас принесу. Скажешь, что от папы.

— Ты не посмеешь, — я вцепляюсь в его рукав сильнее. — Ты не бросишь его. Ты не такой. Я знаю тебя, Вадим. Ты не такой!

— Ты меня не знаешь, — отрезает он. — Ты никогда меня не знала.

Он вырывается, открывает дверь и уходит. Шаги в подъезде — быстрые, тяжелые, удаляющиеся. Я стою в проеме и смотрю ему вслед, пока лифт не закрывается. А потом дверь подъезда. А потом тишина. Абсолютная, звенящая тишина.

Ноги подкашиваются, и я оседаю на пол прямо в прихожей. Рядом валяется его домашняя тапка — забыл, не взял. Или просто не захотел. Я прижимаю ее к груди и вою. Без слез, без звука, просто раскачиваюсь из стороны в сторону, как зверь в клетке. Он ушел. Правда ушел. Он сказал, что любви давно нет. Сказал, что я его не знаю. Он собрал вещи за пятнадцать минут и вычеркнул десять лет жизни. Просто перешагнул и пошел дальше.

А что делать мне?

Я смотрю на наши семейные фото на стене. Мы моложе, счастливей. Я в белом платье, он в дурацком галстуке, который я выбирала. Мы смеемся. Мы верим, что навсегда. Я пе-

ревожу взгляд на часы. Половина второго ночи. Через десять с половиной часов здесь будут гости. Дети, родители, шары и торт-паровозик. Им нужна будет улыбка. Им нужна будет праздничная мама, а не развалина на полу в коридоре.

Я поднимаюсь, цепляясь за стену. Иду в ванную, открываю холодную воду и смотрю в зеркало. Из зеркала на меня смотрит женщина, которой только что переехали сердце катком. Красные глаза, всклокоченные волосы, на щеке след от краски — Тимоша все-таки разукрасил.

Завтра мне отвечать перед сыном. Завтра мне решать, что говорить людям.

Но сегодня, сейчас, в половине второго ночи, я просто стою и смотрю в зеркало, пытаюсь понять, кто я теперь. Жена? Уже нет. Мать? Да, но Тимоша спит и не знает, что его мир рухнул. Женщина? Я даже не помню, когда в последний раз чувствовала себя просто женщиной, а не функцией.

Телефон вибрирует на полу в коридоре. Я иду, поднимаю. Сообщение от Игоря.

«Правильный выбор, Алена. И не смей делить имущество».

Я смотрю на экран и чувствую, как внутри что-то закипает. Не слезы. Не отчаяние. Что-то другое. Что-то, чего я не испытывала очень давно. Ярость. Холодная, чистая, осознанная ярость.

Вы думаете, что сломали меня? Думаете, я лягу и умру под дверью, пока мой муж уходит к вашей дочери?

Я открываю чат с Игорем и набираю одно-единственное чего я им желаю.

«Пошли вы к черту!».

А потом выключаю телефон и иду в детскую. Тимоша спит, раскинув руки, и дышит так безмятежно, что у меня щиплет в носу. Я сажусь на край кровати, глажу его по светлым волосам и шепчу:

— Я никому не дам тебя забрать. Слышишь? Никому. Я справлюсь. Я должна.

И впервые за эту ночь я почти верю себе.

Потому что отступать некуда. Позади — пепел. Впереди — война. И я еще не знаю, какое оружие у меня есть. Но утром я это выясню. Обязательно выясню.

На часах два ночи. До рассвета четыре часа. До прихода гостей десять. До моего ответа Игорю — еще меньше.

Я закрываю глаза и пытаюсь вспомнить, как дышать. Завтра будет самый трудный день в моей жизни. Но сегодня я еще могу притвориться, что мир не рухнул. Хотя бы на четыре часа. Хотя бы пока Тимоша спит и видит свои детские сны.

Глава 4

Алена

Утро начинается с того, что Тимоша прыгает на моей кровати и кричит: «Мам, я тли года!» — так громко, что у меня закладывает уши. Я разлепляю глаза, смотрю на его сияющую мордашку и на секунду забываю. Все забываю. Есть только он — мой рыжий, конопатый, счастливый мальчик, который сегодня стал на целый год старше.

А потом память возвращается. Удар под дых. Вадим. Алиса. Сумка с вещами. «Наш брак закончен». Я зажмуриваюсь на долю секунды, делаю глубокий вдох и улыбаюсь. Улыбаюсь так широко, что скулы сводит.

— С днем рождения, зайка! — подхватываю его на руки, кружу, целую в щеки, в нос, в пухлые ладошки. Он заливисто хохочет. — Пойдем, там тебя ждет сюрприз!

Сюрприз — это подарок от Вадима. Большая коробка, перевязанная синей лентой, которую я нашла под дверью утром. Он даже не зашел, чтобы подарить сыну подарок. Я не стала открывать. Просто поставила в гостиную, как он и велел. Скажешь, что от папы. От папы. Которого нет.

Тимоша разрывает бумагу и визжит от восторга — внутри железная дорога. Настоящая, с паровозиком, станцией и мостом. Он немедленно требует ее собрать, и я обещаю, что после праздника мы все сделаем. После праздника. Если я

вообще доживу до этого «после».

Гости собираются к двенадцати. Мамочки с детьми, пара соседей, моя подруга Лера. Я встречаю всех с дежурной улыбкой, в летнем платье, с идеально уложенными волосами. Никто не должен догадаться. Никто. Я повторяю это как мантру, пока расставляю тарелки и надуваю последние шары. Руки дрожат, но я держусь.

Дети носятся по квартире, Тимоша командует парадом, торт-паровозик ждет своего часа в холодильнике. Мамочки сидят в гостиной с бокалами сока, обсуждают свои идеальные жизни, и я ловлю каждое слово как пулю.

— А мой вчера принес розы, представляете? Без повода. Просто так, — щебечет Вика, мама Левы. — Говорит: «Ты у меня самая красивая». Ну, я и растаяла.

— Ой, а наш Димка на прошлой неделе с детьми просидел, пока я в спа ходила, — вторит ей Катя, поправляя идеально белую блузку. — И ужин приготовил. Пасту с морепродуктами. Свечи зажег. Я чуть не прослезилась.

Я улыбаюсь и киваю, помешивая ложечкой остывший чай. Каждое слово — заноза под ноготь. Мой муж мне тоже розы дарил. И свечи зажигал. И сыном обещал заниматься. Только все это было ложью, оберткой, за которой — гниль и чужая девочка в больничной палате. «Ты самая прекрасная, что случилась со мной за последний год». Не со мной. С ней.

— Алена, а ты чего молчишь? — Вика поворачивается ко мне. — Как там Вадим? Опять в командировке? Когда

вернется?

Я делаю глоток чая, чтобы выиграть время. Чай обжигает горло, но это даже хорошо. Боль возвращает в реальность.

— Вадим... Он не смог приехать, — говорю я и удивляюсь, как ровно звучит мой голос. — Срочные дела. Вы же знаете, бизнес.

— Ой, бедненькая, — Катя сочувственно качает головой. — Мой тоже вечно занят, но на дни рождения — это святое. Нашел бы время.

Я не отвечаю. Просто улыбаюсь и смотрю в окно. Если бы она знала, где на самом деле нашел время ее идеальный муж. И где его ищет мой.

Лера ловит мой взгляд. Она единственная, кто знает, что что-то не так. Я позвонила ей в семь утра, рыдала в трубку и умоляла прийти пораньше. Она не спрашивала лишнего, просто сказала: «Я буду». И вот она здесь — красивая, резкая, с цепким взглядом. Она берет меня под локоть, отводит в сторону.

— Ты как? — шепчет, глядя прямо в глаза.

— Нормально, — вру я. — Почти.

— Врешь, — констатирует она. — Держись. Я рядом.

И это «я рядом» — единственное, что не дает мне сорваться прямо сейчас.

Праздник катится своим чередом. Торт, свечи, хоровод, крики «С днем рождения!». Тимоша счастлив. Он задувает свечи с третьей попытки, перемазывается кремом и лезет

обниматься. Я прижимаю его к себе и думаю: «Ты — единственное, ради чего я еще дышу. Ты — моя броня и моя ахиллесова пята. Ради тебя я выдержу все. Даже этот ад».

После торта дети разбредаются по комнатам, мамочки снова собираются в кружок. Разговор возвращается к мужьям, к отпускам, к планам на лето. Я сижу и киваю, как китайский болванчик. В какой-то момент ловлю себя на том, что перестаю слышать слова. Просто смотрю на их губы — открываются, закрываются, открываются, закрываются. Идеальная жизнь. Идеальные семьи. Идеальная ложь. Кто из них завтра обнаружит, что ее муж спит с восемнадцатилетней дочерью партнера? Кто из них будет сидеть на полу в прихожей, прижимая к груди чужую тапку?

— Алена? — Катя машет рукой перед моим лицом. — Ты с нами?

— Да, простите, задумалась, — я встряхиваю головой. — О празднике.

— Я спрашиваю, вы в Турцию в этом году или куда-то еще?

— Пока не решили, — я пожимаю плечами. — Может, вообще никуда.

— Ну, Вадим у тебя такой заботливый, — воркует Вика. — Помню, на новый год он тебя в Париж возил. Мечта, а не мужик.

Мечта. Да уж. Кошмар. Но я улыбаюсь и киваю. Потому что если перестану улыбаться, то разрыдаюсь. А этого нель-

зя. Не сегодня. Не при них.

Звонок в дверь раздается в самый разгар чаепития. Я на-
прягаюсь. Гости все на месте. Кого еще принесло? Иду от-
крывать, попутно вытирая руки о салфетку, и замираю на
пороге.

В дверях стоит Андрей. Младший брат Вадима. Высокий,
широкоплечий, с той же фамильной линией челюсти, но с
совершенно другим взглядом. У Вадима взгляд всегда был
острый, нацеленный, деловой. У Андрея — глубокий, тем-
ный, с поволокой. Он на пять лет моложе, но кажется старше.
Может, из-за вечной щетины и того, как он смотрит. Всегда
смотрел. На меня.

— Андрей? — я удивлена настолько, что забываю поздо-
рваться. — Ты откуда?

— Привет, Алена, — он улыбается краешком губ. — Про-
ездом в городе. Решил заскочить к племяннику. Не поме-
шал?

— Нет, конечно, — я отступаю, пропуская его внутрь. —
Проходи. Тимоша будет рад.

Он заходит, и в прихожей сразу становится тесно от его
присутствия. От него пахнет дождем и чем-то терпким — не
парфюм, скорее гель для душа. Он снимает куртку, и я за-
мечаю, как перекачиваются мышцы под тонкой футболкой.
Усилием воли отвожу взгляд. Не время. Не место. И вообще
— это Андрей. Брат мужа. Бывшего мужа? Я уже не знаю,
как его называть.

— Дядь Андлей! — Тимоша с разбегу врзается в него, едва не сбив с ног. Андрей подхватывает моего сына на руки, подбрасывает, тот визжит от счастья. Я смотрю на них и чувствую странный укол. Андрей всегда был с ним нежен. Даже нежнее, чем Вадим. Вадим любил сына, но всегда на расстоянии. Подарки, деньги, обещания. Андрей же мог возиться с ним часами, играть в машинки, читать сказки. Я всегда списывала это на то, что у него нет своих детей. Но теперь, глядя на них, думаю: а может, дело не только в этом?

Мамочки оживляются при виде нового мужчины. Еще бы — холостой, красивый, младший брат самого Вадима Зарецкого. Я вижу, как Катя поправляет волосы, а Вика бросает на меня вопросительный взгляд: «Представишь?». Приходится знакомить. Андрей вежливо кивает, пожимает руки, но его взгляд то и дело возвращается ко мне. Я чувствую его кожей. Он не спрашивает о Вадиме. И это подозрительно. Обычно первый вопрос: «А где брат?». Но Андрей молчит, и его молчание кричит громче слов.

Праздник заканчивается. Гости начинают расходиться. Лера обнимает меня на прощание и шепчет: «Позвони вечером. Обязательно». Я киваю. Мамочки щебечут: «Спасибо, все было чудесно, Алена, ты просто супермама». Супермама. Да. Супермама, которую вчера бросил муж. Супермама, у которой через несколько часов истекает срок ультиматума. Супермама, которая до сих пор не знает, что ей делать.

Наконец дверь закрывается за последним гостем. Тимо-

ша, уставший и счастливый, засыпает прямо на диване в обнимку с новым паровозиком. Я укрываю его пледом, целую в лоб и выхожу в кухню. Андрей стоит у окна, спиной ко мне. Я замираю на пороге.

— Почему ты пришел? — спрашиваю тихо.

Он оборачивается. В его глазах что-то такое, отчего у меня перехватывает дыхание.

— Я знаю, — говорит он просто. — О Вадиме и Алисе. И о том, что он ушел.

Я хватаюсь за косяк. Сердце колотится так, словно сейчас пробьет грудную клетку.

— Откуда? — шепчу.

— Он мне сам сказал. Вчера ночью. Приехал ко мне. Пьяный, злой. Сказал, что разводится. Что между вами все кончено, — Андрей делает шаг ко мне. — Я пришел, чтобы убедиться, что ты в порядке.

— Я в порядке, — говорю автоматически. — Все хорошо.

— Врешь, — он подходит ближе. Еще ближе. Я чувствую тепло его тела. — Ты всегда врешь, когда тебе плохо.

— Андрей, не надо, — я выставляю руку вперед, но он перехватывает ее. Нежно. Слишком нежно.

— Я не он, Алена, — говорит он низким, грудным голосом. — Я бы никогда тебя не бросил.

В комнате повисает тишина. Такая густая, что ее можно резать ножом. Я смотрю в его глаза и вижу там то, чего боялась увидеть последние пять лет. То, что всегда чувствовала

ла, но не позволяла себе признать. Андрей смотрит на меня не как на жену брата. Он смотрит как на женщину. И в его взгляде — обещание, от которого у меня подкашиваются ноги.

— Андрей, это неправильно, — шепчу я, но не отстраняюсь.

— Правильно, неправильно, — он усмехается. — Мой брат только что растоптал десять лет брака. Какая теперь разница?

Он прав. Какая разница? Вадим ушел. Вадим предал. Вадим спит с дочерью партнера. А я стою на кухне собственного дома, и младший брат моего мужа держит меня за руку, и я не хочу, чтобы он отпускал. Я не хочу. Это ужасно, это стыдно, это неправильно. Но я не хочу.

— Ты даже не представляешь, во что ты ввязываешься, — говорю я, глядя ему прямо в глаза. — У меня ультиматум. У меня сын. У меня война с партнерами Вадима. Я не знаю, что будет завтра.

— А я знаю, — он вдруг отпускает мою руку и отступает, но взгляд остается прежним. — Завтра ты проснешься и поймешь, что мир не рухнул. Что ты все еще жива. И что я рядом.

— Ты не обязан, — я мотаю головой. — Это не твоя война.

— Теперь моя, — говорит он, и в его голосе сталь. — Мой брат — дурак, но это не значит, что я позволю тебе одной

расхлебывать его дерьмо. Я останусь. Если ты не против.

Я молчу. Слова застревают в горле. Я смотрю на Андрея и думаю, что вселенная явно шутит надо мной. Муж ушел к восемнадцатилетней. Партнеры угрожают судом и детским домом. А теперь еще и брат мужа признается мне в том, в чем не признавался пять лет. В день рождения сына. В конце самого ужасного дня в моей жизни.

— Оставайся, — слышу я свой голос, и он звучит хрипло.
— Но ничего не обещаю.

— Я и не прошу обещаний, — Андрей улыбается краешком губ. — Пока.

И это «пока» эхом разносится по кухне, застревает в углах, оседает на губах. Я отворачиваюсь к окну, чтобы он не видел моего лица. Там, за стеклом, медленно гаснет закат. Тимоша спит в гостиной. Завтра мне придется принимать решения, от которых зависит все. Но сегодня, прямо сейчас, я стою и слушаю дыхание мужчины, который только что перевернул мою реальность еще раз.

Глава 5

Алена

Андрей моет посуду. Я смотрю на него и не могу понять, как он оказался на моей кухне. В моей жизни. В моем аду. Он закатал рукава футболки до локтей, и я вижу, как перекатываются мышцы на предплечьях, когда он трет тарелку. Просто моет посуду. Как будто это нормально. Как будто он здесь живет.

— Ты не обязан, — говорю я в третий раз за вечер.

— Ален, — отвечает он без злости. — Я уже сказал, что остаюсь.

Я замолкаю. Сил спорить нет. Я сижу на стуле, поджав ноги, и смотрю в одну точку. Тимоша спит. Праздник закончился. Шары все еще висят под потолком, колпачки разбросаны по полу, торт-паровозик съеден. Идеальный день рождения. Идеальная ложь.

Телефон вибрирует. Я бросаю взгляд на экран и чувствую, как желудок сжимается в ледяной комок. «Игорь Романович». Я знаю, что не должна отвечать. Я знаю, что каждый разговор с ним — это еще один гвоздь в крышку моего гроба. Но я не могу не ответить. Потому что на кону — Тимоша. Мой дом. Моя жизнь. Все, что у меня осталось.

Я беру трубку.

— Алена, — его голос звучит почти дружелюбно. — Я

слышал, Вадим ушел. Молодец, что не устроила сцен. Это правильно.

Я молчу. Сжимаю телефон так, что пальцы белеют.

— Ты умная женщина, — продолжает Игорь. — Гораздо умнее, чем я думал. Поэтому слушай меня внимательно. Ты не будешь ему звонить. Не будешь искать встреч. Не будешь донимать его слезами и мольбами. Ты просто исчезнешь из его жизни. Тихо. Без скандалов. Ты поняла?

— Игорь, я не... — начинаю я, но он перебивает.

— Я не закончил. Если ты попытаешься вернуть его, если ты хоть как-то помешаешь ему сделать правильный выбор, я уничтожу тебя. У меня достаточно связей, чтобы отобрать у тебя сына. Ты знаешь об этом. Одно мое слово — и органы опеки будут здесь. Нестабильная мать, брошенная жена, нервный срыв, неспособность обеспечить ребенка. Думаешь, суд оставит тебе Тимошу?

У меня перехватывает дыхание. В глазах темнеет. Я смотрю на Андрея, но вижу только размытое пятно.

— Ты будешь сидеть тихо, Алена, — голос Игоря звучит как приговор. — Ты подашь на развод. Ты не будешь претендовать на бизнес. Ты подпишешь все бумаги, которые мы тебе дадим. И тогда, может быть, мы оставим тебе ребенка. Может быть. Если будешь хорошей девочкой.

— Вы не можете, — шепчу я. — Это незаконно.

— Закон — это то, что я скажу, — смеется он. — Ты до сих пор не поняла, с кем связалась? Я строил этот бизнес

двадцать лет. У меня везде свои люди. Ты никто, Алена. Ты просто жена, которую бросили. Ты пыль под ногами. Знай свое место.

Он вешает трубку. Я сижу, прижимая телефон к уху. Тишина. Тишина такая громкая, что у меня звенит в ушах.

Телефон выскальзывает из рук и падает на пол. Я смотрю на него и не могу пошевелиться. «Ты никто». «Ты пыль под ногами». «Мы отберем сына». Сына. Моего Тимошу. Моего мальчика, который сегодня задувал свечи и кричал: «Мам, тли года!». Его хотят забрать. Его хотят отдать в детский дом. Или Игорю. Или кому-то еще. Только не мне. Меня хотят уничтожить.

Я сползаю со стула. Медленно, словно воздух вокруг стал густым и вязким. Спина упирается в холодную стену. Я опускаюсь на пол, подтягиваю колени к груди и обхватываю их руками. Меня трясет. Слезы текут беззвучно, я даже не моргаю. Просто смотрю в одну точку и плачу. Без голоса, без всхлипов. Потому что если я начну кричать, я уже не останюсь.

Андрей выключает воду. Я слышу, как он вытирает руки полотенцем. Шаги. Он присаживается передо мной на корточки. Его лицо — близко, слишком близко. Я вижу, как ходят желваки на его скулах, как потемнели глаза. Он все слышал. Каждое слово. Каждую угрозу.

— Алена, — его голос низкий, но мягкий. — Посмотри на меня.

Я не могу. Я уткнулась лбом в колени и раскачиваюсь из стороны в сторону. Как тогда, в прихожей, с тапкой Вадима. Только теперь у меня нет даже тапки. У меня ничего нет.

И вдруг он делает то, чего я не ожидаю. Не уговаривает. Не пытается поднять. Он просто садится рядом, прямо на пол, и одним движением притягивает меня к себе. Крепко. Очень крепко. Я утыкаюсь носом в его футболку, вдыхаю запах его самого и геля для душа, и меня прорывает. Слезы, всхлипы, судорожные вздохи. Я вцепляюсь в его футболку и реву. Реву, как не ревела даже вчера. Даже когда Вадим ушел. Даже когда читала переписку. Потому что тогда я теряла мужа. А теперь у меня отнимают сына.

Андрей не говорит ни слова. Он просто держит меня. Одна его рука на моей спине, другая — на затылке. Он прижимает меня к себе и слегка покачивает. Как ребенка. Как маленькую. Как будто я имею право быть слабой. Как будто мне можно развалиться на куски.

— Тише, — шепчет он куда-то в мои волосы. — Тише, Алена. Все будет хорошо.

— Не будет, — выдавливаю я сквозь слезы. — Ты слышал. Они отберут Тимошу. Они все могут. Игорь не блефует.

— Я знаю, — говорит он тихо. — Я знаю, кто он такой. Я знаю, на что он способен. Поэтому слушай меня.

Он чуть отстраняется и берет мое лицо в ладони. Большие пальцы стирают слезы с моих щек. Я смотрю на него и вижу решимость. Спокойную, холодную, мужскую решимость.

— Я увезу вас отсюда, — говорит он. — Тебя и Тимошу. Далеко. Туда, где Игорь тебя не достанет. У меня есть дом в соседнем городе. Нормальный, со всеми условиями. Там тихо, там лес, там никто не будет тебя искать.

— Андрей, это безумие, — я мотаю головой. — Я не могу просто взять и уехать. У меня здесь все. Дом, вещи, жизнь. Я не могу...

— Можешь, — перебивает он. — Ты должна. Ради сына. Ради себя. Остаться здесь — самоубийство. Игорь раздавит тебя. Вадим не вернется. А если вернется, то будет уже поздно. Ты понимаешь это?

Я молчу. Потому что он прав. Он чертовски прав. Я не могу оставаться здесь. Я не могу ждать, пока Игорь приведет в исполнение свои угрозы. Но уехать? Просто взять и исчезнуть? Это кажется невозможным. Неправильным. Поражением.

— Я не могу прятаться вечно, — говорю я.

— Ты и не будешь, — Андрей гладит меня по волосам. — Ты просто выиграешь время. Разберешься с документами. Подашь на развод. Госуслуги, Алена. Все можно сделать онлайн. Я помогу.

— Развод? — это слово царапает горло.

— Да, — он смотрит прямо. — Ты должна защитить себя юридически. Чем быстрее ты станешь бывшей женой, тем меньше у них рычагов. Развод — это твой первый шаг. Твой щит.

Я закрываю глаза. Развод. Конец всему, что я строила десять лет. Конец надежде, что Вадим одумается, вернется, скажет, что это было помутнение. Развод — это признать, что все кончено. По-настоящему.

Но он прав. Опять прав.

— Ты подашь заявление, — продолжает Андрей. — Потом мы уедем. Поживешь у меня, пока все не уляжется. А там видно будет. Может, Игорь успокоится. Может, Вадим одумается и сам решит вопрос. Но ты не будешь сидеть здесь и ждать, пока они тебя уничтожат.

— А ты? — я поднимаю глаза. — Что ты получишь от этого? Зачем тебе это?

Он долго смотрит на меня. В его глазах что-то такое, от чего у меня перехватывает дыхание. Я знаю это что-то. Я всегда знала.

— Ты, — говорит он просто. — Я получу тебя. Не сейчас. Не завтра. Может, никогда. Но я хотя бы попытаюсь. Я буду ждать, Алена. Столько, сколько потребуется. Я не трону тебя. Я не буду давить. Я просто буду рядом. Помогу тебе встать на ноги. Защищу тебя и Тимошу. А дальше — решать тебе.

— Андрей, это неправильно, — шепчу я. — Ты брат Вадима. Ты...

— Мой брат — мудака, который променял жену и сына на восемнадцатилетнюю истеричку, — его голос тверд. — Он сделал свой выбор. Теперь я делаю свой.

Я молчу. Слова застревают где-то глубоко, не могут пробиться наружу. Я смотрю на Андрея и пытаюсь понять, что чувствую. Благодарность? Да. Страх? Тоже. Надежду? Пожалуй. Но где-то там, на самом дне, шевелится что-то еще. Что-то, о чем я запрещала себе думать последние пять лет. Что-то, что теперь, когда Вадим ушел, выползает на свет, как росток из-под асфальта.

— Я не знаю, — говорю наконец. — Я ничего не знаю. Я запуталась.

— Ты не должна ничего знать прямо сейчас, — он снова притягивает меня к себе, и я прижимаюсь щекой к его груди. Слышу, как бьется его сердце. Ровно, сильно, спокойно. — Ты должна просто позволить мне помочь. Все остальное — потом.

Я закрываю глаза. Его объятия — единственное, что держит меня сейчас. Единственное, что не дает рассыпаться на атомы. Я чувствую, как его рука гладит меня по спине, по голове, и постепенно дрожь уходит. Слезы высыхают. Дыхание выравнивается.

— Хорошо, — говорю я одними губами. — Хорошо. Я поеду.

Он не отвечает. Просто продолжает держать меня. Качать. Как маленькую. Как любимую. Как будто я имею значение. Как будто я не пыль под ногами. Как будто я еще живая.

За окном темнеет. Тимоша спит в детской, даже не подзревая, что его мир скоро изменится навсегда. Завтра я нач-

ну собирать вещи. Завтра я сделаю первый шаг к тому, чтобы стать бывшей. А потом — дом в лесу. Тишина. Андрей. Новая жизнь.

Или бегство. Я еще не решила.

Но одно я знаю точно: я не позволю Игорю отобрать у меня сына. Я не позволю Вадиму растоптать меня до конца. Я выживу. Даже если ради этого придется сбежать. Даже если ради этого придется разбить собственное сердце еще раз.

Андрей отстраняется и смотрит на меня. Его взгляд теплый. Обещающий.

— Я начну готовить машину, — говорит он. — Собери самое необходимое. Документы, деньги, вещи Тимоше. Остальное купим.

— Подожди, — я хватаю его за руку. — Ты правда думаешь, что у нас получится?

— У тебя получится, — поправляет он. — Я просто буду рядом.

Он встает и выходит из кухни. Я слышу, как он идет в прихожую, как берет ключи. А я сижу на полу и смотрю в одну точку. Развод. Бегство. Новая жизнь. Слова, которые перевернут все.

Но впервые за двое суток мне кажется, что я могу дышать. Не глубоко. Не полной грудью. Но могу.

И это уже что-то.

Я достаю телефон из-под стола, где он валялся после падения. Смотрю на черный экран. Потом включаю. Открываю

госуслуги. Загружаю заявление на развод. Пальцы дрожат, но я заполняю все поля. Шаг за шагом. Слово за словом. Когда дохожу до кнопки «Отправить», замираю.

На той стороне — конец моей старой жизни. По ту сторону экрана — неизвестность, страх и мужчина, который обещает ждать меня столько, сколько потребуется.

Я нажимаю «Отправить».

Готово.

А потом я встаю с пола и иду в детскую. Тимоша спит, обняв подушку. Я сажусь на край кровати и смотрю на него. Его ресницы подрагивают во сне. Ему снятся паровозики и праздник. Он не знает, что завтра мы уедем. Что папы больше не будет. Что мама стала на десять лет старше за одну ночь.

— Прости меня, — шепчу я ему. — Прости, что я не смогла сохранить нашу семью. Но я сохраню тебя. Чего бы мне это ни стоило.

И в этот момент телефон снова вибрирует. Я смотрю на экран.

Сообщение от Вадима.

«Я заеду завтра. Надо поговорить».

Я смотрю на эти слова и чувствую, как внутри разгорается пламя. Тот самый пожар, который я тушила двое суток. Он хочет поговорить. Теперь. После того как ушел. После того как бросил. После того как его партнер угрожал мне и нашему сыну.

Я набираю ответ.

«Хорошо».

А потом я иду звонить Андрею, чтобы он быстрее поднялся с улицы. Потому что если Вадим приедет завтра, он не должен застать нас здесь. Мы должны исчезнуть раньше. До того, как он снова попытается меня сломать. До того, как я снова поверю ему. До того, как все станет еще хуже.

Потому что хуже — есть куда. Я теперь точно знаю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.